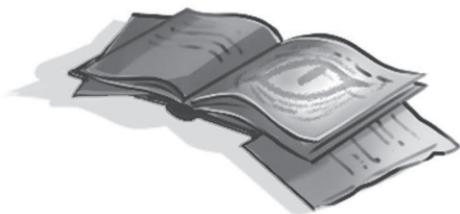

ЕКАТЕРИНА ШАШКОВА

ОСНОВЫ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

для чайников

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш32

Оформление — *Марина Самойлова*
Иллюстрация на обложке — *ByDarka*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Шашкова, Екатерина.

Ш32 Основы человечности для чайников : [роман] / Екатерина Шашкова. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 384 с. — (Свет во тьме. Young Adult).

ISBN 978-5-17-160430-1

Ксюха — грубиянка, прогульщица и двоечница. По крайней мере, так говорят.

Она с чужим мнением не спорит: красит волосы в яркие цвета, читает книжки и делает то, что считает правильным. Например, защищает собаку от хулигана. Но благородный поступок внезапно оборачивается большой проблемой, и теперь спасти Ксюху может только чудо.

И тут из ниоткуда появляется странный незнакомец и предлагает помощь.

Ксюха не дура, она прекрасно понимает, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Но мышеловка внезапно оказывается очень уютным местом.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-160430-1

© Е. Шашкова, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 7

Дом без окон и зверей

Знаете это дурацкое состояние, когда промозглая осень (холодно, брр), ты сидишь на бетонном парапете набережной (холодном), пялишься на воду (холодную), пьешь приторно-сладкую газировку (тоже, конечно, холодную) и изо всех сил надеешься, что река сейчас выйдет из берегов, окатит всех волной (холодной, естественно) — и каким-то чудом смоеет все проблемы?

Выяснится вдруг, что никто не завалил контрольную, не ругался с училкой, не дрался с Серегой Бурановым и не толкал его так, что этот дебил приложился головой прямо о чугунную лавочку.

Не умер, к счастью. Если бы умер — фиг бы тебе дали спокойно посидеть на набережной. Но сотрясение отхватил, и кровью все вокруг залило основательно так — и лавочку, и одежду, и даже асфальт местами. И сразу вопли, крики, скорая, бабушку к директору... «Ну все, Фролова, это была последняя капля!»

Уже восьмая «последняя капля» с начала года. Но теперь, видимо, самая-самая последняя.

А этот придурак еще и телефон умудрился разбить. Серега. Когда падал.

Дорогой. Новый.

Все Ксюхины вещи стоили меньше, чем этот телефон. Даже вместе с самой Ксюхой. Особенно с Ксюхой. Потому что ее стоимость — вообще величина отрицательная. Никакой пользы, одни убытки.

И еще...

До бабушки, наверное, уже дозвонились. И до Серегиных предков тоже. И теперь они ругаются друг с другом. То есть маман Серегина ругается, она у него голосистая, как пароходная труба. А бабушка смотрит жалобно и уверяет, что обязательно все уладит и деньги за телефон вернет. А директриса снова про свою «последнюю каплю».

И так по кругу, пока все не охрипнут окончательно. Ну или пока не придут к решению, которое всех устроит. Но охрипнут наверняка быстрее.

Хотя к решению рано или поздно тоже придут, и вряд ли это решение Ксюху обрадует.

Возвращаться домой и выслушивать вердикт не хотелось. Ксюха глотнула еще газировки, посмотрела на зеленую (последнюю!) каплю, стекающую по горлышку бутылки. Язык, наверное, такой же зеленый стал. Как у змеюки, с-с-с...

Вот вылезла бы из воды огромная змеюка или сразу Ктулху какой-нибудь, и разнесли бы они весь район вместе со школой. Все бы сразу забыли и о Буранове, и о телефоне, и о контрольной.

— Ктулху фхтагн, — старательно прогудела Ксюха в недра бутылки.

— Пх'нглуи мглв'нафх Ктулху Р'лех... эээ... вгах'нагл фхтагн, — так же старательно выговорил за спиной мужской голос.

— А... — ответила Ксюха.

Сложно придумать что-то более осмысленное, когда ты сидишь, предаешься страданиям, а тебе вдруг в ухо Лавкрафта цитируют. Ну ладно, не в ухо, а в затылок. Но от этого ни капельки не легче!

— А?! И это все, что ты можешь сказать? Да я две недели учился эту галиматью выговаривать! — недовольно пробурчали за спиной.

— Зачем?

— Да просто по приколу. Чтобы все удивлялись.

— И что, было бы лучше, если бы я от культурного экстаза в речку грохнулась?

Ксюха все-таки обернулась.

Рядом с ней стоял... Мужик? Парень? Она не слишком хорошо умела определять возраст на глаз, но человек был явно старше нее и младше школьного историка Тимура Игоревича. То есть примерно от пятнадцати до тридцати. Дурацкий такой возраст, когда совершенно непонятно, как к этому человеку обращаться и относиться.

Одежда тоже ясности не добавляла: косуха нараспашку, под ней свитер какой-то линялый с затяжками, джинсы дырявые, кеды. В общем, примерно как сама Ксюха, только парень.

Видимо, все-таки парень, на мужика не тянет.

— Нет, в речку грохаться не надо, там мокро и холодно, — сказал он. — Давай опустим всякие церемонии и перейдем сразу к делу. Я так понял, тебе помощь нужна.

Тут любая нормальная девчонка, конечно, должна была гордо заявить, что не принимает помощь от незнакомцев, и сбежать. Мало ли что! Ксюха даже подумала об этом немножко. Совсем немножко, пару секунд. А потом решила: парень, Ктулху, нашествие инопланетян — какая разница-то? Да и что может случиться на людной набережной посреди дня? Тем более помощь ей действительно не помешала бы.

Только откуда этот странный тип знает о ее проблемах? И что потребует в уплату за их решение?!

— В чем подвох? — напрямик спросила Ксюха. — Вы вообще кто?

— Добрый фей.

— С топором?

— Со штопором. — Штопор был немедленно вытасканы из кармана и предъявлен.

Очень, очень странный тип!

— А серьезно? С чего вам мне помогать? И какую помощь вы имеете в виду? И что я должна сделать в ответ? И как вас, кстати, зовут?

— Людвиг, — ответил парень на последний вопрос. — Честно! Только не смейся, а то помогать не буду.

— Паспорт покажите, — потребовала Ксюха и не засмеялась, хотя очень хотелось.

— А у меня его нет. То есть с собой нет. — Людвиг взъерошил и без того растрепанные русые волосы. — Слушай, ну хватит на меня смотреть как на врага народа. Давай поговорим как нормальные люди, посидим в тепле где-нибудь. Охота тебе тут торчать?

Ага, вот сейчас ее заташат в машину и увезут в глухой лес. И вырежут почку. Прямо в лесу. Штопором.

— Мне и здесь неплохо.

— Зато мне плохо! Я замерз!

— А нечего в такую холодрыгу в кедах ходить! — буркнула Ксюха.

Всерьез бояться Людвигу почему-то никак не получалось. Как вообще можно в двадцать первом веке Людвигов бояться? Он бы еще Вольфгангом представился!

— И у меня нога болит, стоять тяжело, — угрюмо продолжил Людвиг.

На правую ногу он действительно старался не наступать. Поджимал ее, как собака — раненую лапу, разве что не поскуливал при этом.

Но вместо жалости и сочувствия Ксюха испытала любопытство: как он умудрился совершенно беззвучно подкрасться к ней со спины с такой ногой? Да даже если бы и со здоровой: вся набережная засыпана опавшими листьями, которые шуршат от любого движения. А в тот момент ничего не шуршало, это Ксюха помнила совершенно точно.

Значит, либо он врет про ногу, либо...

Второе «либо» никак не придумывалось. Не по воздуху же он к ней подлетел, в самом деле!

Ксюха поудобнее перехватила бутылку из-под «Тархуна». Стекланную.

Нет, она не собиралась бить ею Людвигу. Пока что не собиралась. Просто с бутылкой было как-то спокойнее, надежнее.

Потом Ксюха проверила сумку, убедилась, что она застегнута и перекинута через плечо. То есть не грохнет-ся в воду от неосторожного движения и не растеряет по пути тетрадки с ручками.

Людвиг смотрел на все это спокойно и будто бы даже с улыбкой. Смешно ему, ага. Его небось не пичкали с детства лекциями о том, что никуда нельзя ходить с незнакомцами. И не драли за волосы после того, как буквально на пять минуточек заглянул в соседний двор кошку погладить.

— Куда мы пойдём? — осторожно поинтересовалась Ксюха.

— Ко мне домой.

— Нет! — ответила, кажется, раньше, чем он успел договорить.

Спрыгнула с парапета на тротуар и сделала пару шагов в сторону.

Наверное, если бы Людвиг попробовал ее задержать — преградил дорогу, схватил за руку или хотя бы подозрительно дернулся, Ксюха не выдержала бы и припустилась бегом подальше отсюда. Или, может, заорала бы. Или и то и другое одновременно. Но Людвиг стоял — и она тоже остановилась, уставилась на него настороженно.

Он все еще не выглядел опасным.

Впрочем, говорят, маньяки вообще редко выглядят опасными. Нормальными они выглядят, обычными, как все люди.

Но нормальным и обычным Людвиг тоже не выглядел. У него были странное имя, дурацкая стрижка (возможно, стрижкой это было полгода назад, а сейчас представляло собой неравномерно отросшее нечто) и тонкие обкусанные губы. И еще у него, похоже, и вправду болела нога. Он снова поджал ее, оперся о парапет, украдкой перевел дух.

— Можно в кафешку зайти, — сжалилась Ксюха.

В конце концов, ей помощь предлагают. Жизненно необходимую. Хоть и каким-то очень странным образом.

— Да у меня с деньгами не очень... В том смысле, что они вообще-то есть, но не здесь.

— В торговом центре недавно фудкорт открыли, там можно и просто так посидеть, не выгонят.

А еще там уйма народу и несколько выходов, один из которых возле туалета. Если что-то пойдет не так, можно отойти помыть руки и быстренько слинять.

— Далеко?

Он что, еще и не местный? Или придуривается?

— Не очень, минут пятнадцать пешком.

Людвиг задумчиво покусал губу. Затем, решившись, кивнул.

— Ладно, прогуляемся. Только... не против, если я тебя под руку возьму? А то из меня сегодня пешеход так себе.

Теперь задумалась Ксюха. Ненадолго.

— Если что — я буду орать и вырываться, — честно предупредила она, но руку все же подала.

Людвиг ухватился за нее, сжал чуть повыше локтя. Сказал вполголоса, словно самому себе:

— Не успеешь. — И щелкнул пальцами.

— А-а... — начала Ксюха.

И не закончила.

Потому что людная дневная набережная внезапно растворилась. Выключилась, как картинка в телевизоре. Исчезли влажный осенний воздух и шуршащие листья, деревья и река, асфальт и даже просто ощущение земли под ногами.

Не было яркой вспышки, темноты, света в конце тоннеля. Было просто странное ничто: без запахов, звуков, цвета.

Ксюха наверняка упала бы от неожиданности, но чужие пальцы все еще крепко держали ее за плечо. Ненадолго, пару секунд. Потом отпустили.

— ...а-а, — закончила Ксюха.

То, что задумывалось как крик, в итоге оказалось чем-то средним между жалобным стоном и восхищенным вздохом. Причем ближе ко второму.

Потому что, когда Людвиг разжал руку, когда под ногами снова появилась опора, а перед глазами картинка, Ксюха обнаружила, что находится не на знакомой набережной, а в каком-то совсем-совсем другом месте.

Комната, в которой она оказалась, была квадратной. Или даже кубической: ровненькая такая, правильная — и почти пустая.

По центру одной из стен находился здоровенный камин, перед ним — ворох шкур, в углу — одинокое кресло. И все, больше никакой мебели и никакого декора. Будто кто-то решил создать в «Симсах» охотничий домик, но фантазии хватило только на деревянные стенные панели, а денег — на две двери и камин. На окна и люстру уже не хватило.

— Вот так-то лучше! — Людвиг с блаженным стоном повалился на шкуры и вытянул ноги к огню.

Ксюха осторожно поставила на пол бутылку из-под «Тархуна», мысленно досчитала до пяти — и с воплем ломанулась в ближайшую дверь.

Позднее она не раз пыталась понять, почему повела себя именно так, но всегда выходила ерунда какая-то.

То есть сначала все шло хорошо. Она, конечно, испугалась, удивилась и испытала еще целый ворох эмоций, но они были вполне понятными, человеческими. Любой испугался бы и удивился, оказавшись неизвестно где, непонятно как и в компании какого-то странного типа.

Ксюха поморгала, привыкая к смене освещения (на улице было пасмурно, но в комнате без окон — гораздо темнее), потопталась на месте, ущипнула себя (дурацкая попытка убедиться, что это не сон), глубоко вдохнула и пообещала себе сначала медленно досчитать до десяти, а уже потом задавать глупые вопросы.

Досчитать получилось только до пяти, а потом вдруг показалось, что в темноте раздался вздох. И тени какие-то

странные по стене поползли. И пламя в камине вдруг взметнулось вверх и выбросило сноп искр, будто живое.

Просто показалось, ничего такого.

Но в следующее мгновение Ксюха обнаружила, что вопит и ломится в дверь.

— На себя, — подсказал Людвиг.

Дверь наконец-то поддалась, и Ксюха оказалась в ванной. Совершенно обычной, совмещенной с туалетом, как в хрущевке.

Висящее над раковиной зеркало отразило бледное испуганное лицо в обрамлении разноцветных волос — и вдруг пошло волнами. В глубинах стекла мелькнула оскаленная рожа с красными глазами, потом какие-то темные руки, больше похожие на когтистые лапы.

Это выглядело как в кино. Как в плохом кино: так же ненатурально, только мрачной музыки не хватало.

Какой-то частью мозга Ксюха прекрасно понимала, что ее просто хотят напугать. Понимала, что надо взять себя в руки, выпрямиться, рассмеяться и показать всем, что она видит глупые уловки насквозь. Но почему-то не получалось.

Точнее, почти получилось.

— Людвиг, прекрати этот цирк, — проговорила Ксюха, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Тебе нужна я сама, а не мой труп!

Зеркало разочарованно вздохнуло, моргнуло и убрало лапы, морду и прочие искажения реальности. Два настенных светильника, до этого притворявшиеся выключенными, разом вспыхнули и осветили кафель веселенькой бирюзовой расцветки, мохнатый коврик на полу и махровое полотенце, небрежно перекинутое через бортик ванны. Обстановка здесь была гораздо уютнее, чем в комнате, и даже отсутствие окон не так резало глаза, потому что кто вообще в таких местах окна делает?

Ксюха несколько секунд постояла на месте, убеждаясь, что кошмар закончился.

А потом дверь за ее спиной вдруг с грохотом захлопнулась, свет погас, зазвенело разбитое стекло, а по щеке скользнуло что-то холодное и склизкое.

«Я не боюсь!» — напомнила себе Ксюха, но все равно взвизгнула от неожиданности, шарахнулась в сторону, врезалась бедром в бортик ванны и едва не перевалилась через него внутрь.

Рот ей немедленно зажала призрачная рука. Вторая вцепилась в шею, сдавила — и едва зародившийся в груди крик оборвался на вдохе.

Говорят, дети помнят себя примерно с трех лет.

Ксюха помнила, кажется, с рождения, но урывками.

Вот первый класс, куда всех приводят родители, а ее — бабушка. В руках колючий и вонючий букет, новые туфли натирают, волосы заплетены так туго, что болит голова. Первоклашкам устраивают экскурсию по школе, рассказывают, что здесь есть даже — вау! — свой собственный бассейн. Ксюха стоит в толпе далеко от воды, но все равно слышит ее зов, плеск, журчащие переливы, видит отблески света на кафельных стенах. А потом роняет букет и в слезах выбегает из помещения.

Вот море. Потому что бабушка решила, что нелюдимой четырехлетней внучке нужно море — и там она обязательно станет, как все нормальные ребята, общительной и социализированной, будет играть в мячик, бегать наперегонки и плавать. Но Ксюха не хочет плавать. Она смотрит, как волны наползают на берег, как нежатся на мелководье прозрачные медузы, как с визгом бегут в воду дети и взрослые... и тоже бежит, но в другую сторону, да так быстро, что бабушка едва успевает перехватить, а потом что-то говорит, объясняет, доказывает. Ксюха не слышит, Ксюха ревет.

А вот самое первое воспоминание. То, чего Ксюха никак не должна помнить.

Ей год или что-то около того. В таком возрасте обычная домашняя ванна кажется огромной — как бассейн, как море. И чужие руки кажутся огромными, особенно когда сдавливают шею. Когда зажимают рот, чтобы не орала. Когда накрывают лицо и направляют его вниз, под воду, на самое дно.

Ксюхе пятнадцать. Она врзается бедром в бортик ванны, теряет равновесие и падает в воду.

Плеск, журчащие переливы, отблески света на кафельных стенах.

— Еще раз такое устроишь — я тебя спалю! — про-рычал Людвиг куда-то в сторону. И совсем другим тоном почти заботливо спросил: — Эй, ты как?

Ксюхе было никак.

Ее трясло, зубы лязгали друг о друга, и она всерьез подозревала, что при попытке сказать хоть слово откусит себе язык. Из глаз текли слезы, заливались в уши, из-за этого все звуки казались приглушенными.

— Ну тихо, тихо. Все хорошо, ничего страшного не случилось. Не ушиблась? Он больше не будет, я обещаю.

— Кто? — с трудом выдавила Ксюха.

— Дом. Ну, в некотором роде. Это место.

От объяснений понятнее не стало.

Людвиг, кажется, заметил ее недоумение, поэтому поспешно добавил:

— Пойдем. Это проще показать. Встать сможешь?

Ксюха неуверенно кивнула и только тогда поняла, что сидит на полу.

На полу! Не в ванне, а рядом с ней! И никакой воды вокруг нет, только большое полотенце, которое смягчило удар, когда Ксюха приложилась бедром о бортик.

Она осторожно покосилась на зеркало — оно вело себя смирно и страшные рожи больше не показывало. И лампочки не мигали.

«Просто кошмар, — сказала себе Ксюха. — Просто дурацкий кошмар».

Людвиг помог ей подняться на ноги — бережно, будто действительно беспокоился. Будто бы и не он совсем недавно ехидно комментировал ее попытки открыть дверь.

— Ты знал, — буркнула Ксюха, решительно вытирая слезы.

— О чем?

— О том, что это произойдет. Ты даже не удивился, когда я выбежала из комнаты.

— Не удивился. Но я этого не планировал, честное слово. Знал, что ты испугаешься, оказавшись здесь... любовью испугался бы. И думал, что этого будет достаточно.

— Достаточно для чего? — Говорить получалось все легче.

Истерика уже не пыталась прорваться наружу всхлипами и воплями. Не исчезла, конечно, — привычно за-таилась внутри, дожидаясь, пока ее снова разбудит плеск воды.

— Для того, чтобы подкормить Дом.

Людвиг распахнул дверь — и Ксюха зажмурилась от яркого света.

Комната изменилась. Не преобразилась до неузнаваемости, не стала больше и даже не отрастила окна, но теперь с потолка свисала здоровенная люстра в форме тележного колеса, единственное кресло в углу обзавелось братом-близнецом, а между ними возник низкий деревянный столик. А еще в стене появилась третья дверь — почему-то разноцветная, а не однотонно-деревянная, как предыдущие.

И разноцветие это подозрительно напоминало радужные прядки в волосах Ксюхи: зеленого побольше, сиреневого поменьше, желтого совсем нет, а красный был когда-то красивый, но быстро смылся и стал невнятно-бурым.

— Кажется, ты ему понравилась, — прокомментировал Людвиг.